

УДК 929.733

**БЕКЛЕРБЕК В СТРУКТУРЕ МОНГОЛЬСКОЙ И
ТЮРКСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ*****В.В. Третьяков****(Институт российской истории Российской Академии наук)*

В статье впервые рассматривается должность беклербек – один из высших элитных рангов в системе традиционной тюрко-монгольской государственности. Высказываются предположения о его генезисе. Для анализа привлекаются сведения из средневековых письменных и фольклорных источников. Изучение данного института может способствовать пониманию особенностей и закономерностей социального развития тюркских народов на протяжении длительного исторического периода. Институт беклербекства (главенства в сословии военной знати) сформировался не ранее XI в. в среде тюрков-огузов, но имел длительную предысторию в потестарных обществах на стадии протогосударственности. Он превратился в одну из матричных форм функционирования тюркских кочевнических политий и был реанимирован в Улусе Джучи в результате социального усиления кочевой аристократии. Оно было порождено, во-первых, благоприятными экономическими и демографическими условиями XIII в.; во-вторых, кризисами и репрессиями в правящем доме Бату во время правления хана Тохты и в начале правления хана Узбека, когда Джучиды в борьбе за власть теряли опору среди сородичей, членов династии, и находили ее у кочевых беков. Возрождению тюркского института беклербекства способствовали также тюркизация двора, бюрократии и делопроизводства в Золотой Орде, а также проникновение иранских и огузо-сельджукских элементов государственного устройства. Факторами, которые стимулировали последнее явление, были временное замирение между традиционно враждовавшими Улусами Джучи и Хулагу и принятие в Золотой Орде ислама как государственной религии. Типологическое соответствие золотоордынского беклербекства архаичному главному дружиннику позволяет видеть в этом институте элемент древнетюркского наследия. Логика исторического развития Золотой Орды привела к чрезмерному увеличению компетенции главного бека, хотя он не заменил собой хана. С конца XIV в., по мере ослабления джучидской государственности, значение беклербекства в жизни постордынских государств значительно возросло. В некоторых из них данная должность была монополизирована беками из тюркского племени мангытов.

Ключевые слова: Беклербек, амир ал-умара, улуг бек, аристократия, крылья, тюркизация, мангыты, Едигей.

Звание *беклербек* (*беклербеги, бейлербейи, улугбек, улубий*) впервые появилось, очевидно, в среде тюрков-огузов и утвердилось в державе Великих Сельджуков. Когда в 1055 г. сельджукский султан Тогрул-бек занял аббасидскую столицу Багдад, полностью покорившийся ему халиф даровал ему, среди прочих почетных званий, титул беклербека.

По преданиям, распространенным среди сельджуков и родственных огузских племен, положение главного бека как второго по значению сановника после хана и главы левого крыла войска и племен было установлено еще праотцом тюрков Огуз-ханом. Сам хан, в соответствии с огузской политической традицией («согласно *törü*», по Языджиоглу Али), считался беклербеком правого крыла [1, с. 81].

Вместе с тем не исключено заимствование из иранской государственной традиции и военно-административной практики позднего Халифата, где существовал полный аналог бейлербея – *амир ал-умара* (или *малик ал-умара*). Возможно, исторические корни этого титула лежат в сасанидской практике наделения армянских вассальных правителей рангом *ишхан ишханац* [1, с. 171] («предводитель предводителей»). Как известно, и сам иранский монарх носил двусоставный титул *шаханшах* (мидийского происхождения).

Впрочем, гипотезы подобного рода можно строить лишь в отношении самого титула. Сама же по себе должность могущественного сановника, на которого возлагается военная сфера жизнедеятельности государства, столь часто встречается в истории, что едва ли можно уловить источник заимствования. Скорее всего, она возникала в большинстве политических традиций самостоятельно, по мере развития государственности.

Постепенное формирование в архаичных обществах различных властных институтов с разным предназначением (распределение ресурсов, война, поддержание порядка в социуме) хорошо изучено в историографии. В эпическом фольклоре, богатырских сказаниях, в том числе тюркских и монгольских, отчетливо просматривается диалектика военной функции власти. Сначала все обязанности правителя (обустройство и защита народа, связь с божественными силами) сосредоточены в персоне одного героя-визя. Затем появляется мудрец-советник, который олицетворяет сакральную функцию власти (как Улуг Тюрк при Огуз-хане или Алтан Чэджи при Джангаре); герой остается правителем и воином, главой преданных дружинников. Следующий этап развития образа героя – это хан, при котором состоят советник и главный дружинник (прототип беклербека) (см. об этом [29; 30]). Затем, наряду с ними, появляются служители ставки, чиновники, и эпос превращается в историческое предание.

В Улусе Джучи существование беклербеков отмечено не ранее первой четверти XIV в., т.е. в период ханствования Тохты и Узбека. Там они главенствовали не над левым, а над правым (западным)

крылом – исходя из монгольской пространственной ориентации. В некоторых своих прежних работах я считал беклербеками царевичей-Джучидов Ногая, Сарай-бугу и Ильбарса [27, с. 87–91; 28, с. 265–270]. Однако никаких данных о том, что они обладали этим рангом, в источниках нет. Собственно, они никак не могли быть беками («князьями»), поскольку принадлежали к правящей династии и являлись царевичами (монг. *кёбэжюн*, тюрк. *оглан*).

Возникновение поста беклербека при Тохте и Узбеке в ордынской военно-административной структуре может объясняться несколькими факторами.

1. Усиление беков-предводителей племенных объединений (*эль*). Оно было порождено, во-первых, благоприятными экономическими и демографическими условиями развития кочевого населения Улуса во второй половине предыдущего столетия; во-вторых, кризисами и репрессиями в правящем доме Бату во время правления Тохты и в начале правления Узбека, когда Джучиды в борьбе за власть теряли опору среди сородичей, членов династии, и находили ее у кочевых беков. Соответственно происходило внедрение этой категории татарской аристократии в круг высшей правящей элиты. До тех пор должность, сопоставимую с беклербеком, занимал один из джучидских царевичей. Служение при дворе Узбека «правителя государства» Кутлуг-Тимура и Исы Коркуза, племенная принадлежность и точные должности которых неизвестны, было, очевидно, «переходной стадией» между монгольскими царевичами-главными военачальниками и тюрками-беклербеками.

2. Сопутствующая этому процессу тюркизация двора, бюрократии, делопроизводства.

3. Проникновение иранских и огузо-сельджукских элементов государственного устройства. Этому способствовало, с одной стороны, временное замирение между традиционно враждовавшими Улусами Джучи и Хулагу; во-вторых, принятие ордынцами ислама как государственной религии. В державе Хулагуидов беклербек являлся старшим из четырех улусных эмиров и распоряжался «единолично в деле войсковом» (ал-Омари) [22, с. 249; 32, с. 21; 39, р. 153; 41, р. 400].

Вместе с тем можно предполагать, что появление древнетюркских элементов политического устройства было проявлением возрождения «матричных», домонгольских форм государственности, присущих данному региону Евразии, – подобно тому, как происходила китаизация управления в империи Юань («Улусе великого хана») и иранизация у Хулагуидов. В этом отношении дополнительный смысл приобретает известное замечание ал-Омари о том, что «земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кипчаки» [22, с. 235]. Огузо-кипчакское многовековое наследие становилось все более заметным в устройстве Джучиева улуса.

В этом устройстве на беклербека возлагалась обязанность командования войсками, а в мирное время – управления западными провинциями. В последнем качестве он одновременно являлся улусбеком – одним из четырех обладателей этого ранга в Джучиевом улусе и карачи-беком – одним из четырех карачи-беков в поздней Золотой Орде и некоторых татарских ханствах.

Хотя сосуществование хана и беклербека являлось проекцией древней двухкрыльной структуры, знакомой в том числе и монгольской государственности, едва ли данный институт имел монгольские корни. Близкие по значению титулы фиксируются в Монгольской империи: *еке нойон-улуг нойон* у Тогуя, *улус иди-улуш иди* у Джучи [4, с. 66–70, 142, 145; 18, с. 19]. Но это всегда индивидуальные (и, возможно, сакральные посмертные) звания, не присущие имперской титулатуре в целом. Рашид ад-Дин отмечает, что у Тогуя это были почетные прозвища – т.е. неофициальные титулы, обозначавшие должность. Хотя типологически «улуг нойон» Толуй все-таки может быть уподоблен беклербеку как главному военачальнику, т.к. по завещанию Чингис-хана он возглавил основную массу монгольского войска.

Появление должности беклербека было одним из показателей развития Золотой Орды. Во-первых, развития административно-политического: в лице главного бека и его двора оформлялось специализированное военное ведомство государства. Однако давление архаичных устоев и кризис Улуса не позволили завершиться этому процессу. Во-вторых, развития социального. Беклербек появился не ранее того времени, когда в Золотой Орде полностью сформировалось аристократическое сословие беков, которое требовало ранжирования и структурирования. Хотя наука ныне отвергла известную концепцию «кочевого феодализма», в данной тенденции просматривается так и не реализовавшийся потенциал будущих сеньориально-вассальных отношений, местнических порядков, феодальной лестницы и прочих институтов классического феодализма.

Наиболее наглядно выявляются статусный ранг и полномочия беклербека у Едигея из эля мангытов – могущественного золотоордынского вельможи конца XIV – начала XV в. В различных документах можно встретить разные обозначения его официальной должности: эмир, бек, бий, улуг бек, улу бий, темник, великий князь. Принято считать, что исполнение должности беклербека ему вручил хан Тимур-Кутлуг, воцарившийся в 1391 г. Об этом говорит Кадыр Али-бек, отмечая, что Тимур-Кутлуг правил в Хаджи-Тархане вместе с Едигеем: «...один был ханом, другой беком» [21, с. 159]. Натанзи также пишет, будто после разгрома Тохтамышом Тимуром «султанское достоинство получил Тимур-Кутлуг, а эмирское Идигу» [7, с. 98]. Должность беклербека сохранялась за мангытским сановником и при преемниках Тимур-Кутлуга. В эпоху хана Шадибека б.

Кутлуга (1400–1407) он титуловался амир ал-умара (арабский эквивалент беклербека) [19, с. 179].

Впрочем, Сахави заметил, что Едигей как глава левого крыла занимал второе место после руководителя правого фланга Текины из эля ширинов (что, кстати, находилось в полном соответствии с традиционным кочевым раскладом компетенции правителей), «но (на самом деле) известность и управление принадлежали Идики» [22, с. 553]. Именно в левом крыле, располагавшемся к востоку от Яика и менее пострадавшем от нашествия Тимура на Золотую Орду в 1395–1396 гг., сохранялось больше ресурсов и сосредоточилось больше народа.

Восточные авторы единодушны в оценке объема полномочий Едигея. Он «самостоятельно распоряжался и управлял» в Джучиевом улусе, «занимая должность наместника» (*хюкумат*), являлся «истинным властелином страны Дешта, Сарая и Крыма», «владыкой Дешт-и Кипчака и страны узбеков» [19, с. 139; 37, р. 18; 40, р. 83]. В источниках подчеркивается, что «дела подданных вершились в соответствии с приказаниями Идику. По своему усмотрению он вручал царствование и лишал его, и никто не смел противиться ему и переступить проведенной им черты»; «один из князей Эдига... обычно назначал и разжаловал царей»; «Едигей князь... преболши всех князей ординских, иже все царство един держаше и по своей воли царя поставляше» [35, с. 62; 8, с. 206; 9, с. 156; 11, с. 450; 36, р. 527]. Иоанн Шильтбергер, наслушавшись рассказов о Едигее, даже посчитал, что тот занимает особую должность «делателя королей» и в соответствии со своими полномочиями «назначает и низвергает королей, которые во всем от него зависят» [34, с. 34]. Не удивительно, что некоторые средневековые хронисты принимали этого беклербека за полновластного государя и называли царем: «Идику-хан», «царь по имени Идик», «Едиг царь» и т.п. [3, с. 10; 22, с. 531, 532; 13, с. 76, 80; 26, с. 82].

Концентрированное изложение пределов власти беклербека содержится у Сахави: «великий эмир... Идики, распорядившийся управлением Сарая и Дешта; султаны при нем носили только имя, но не имели никакого значения. Вот почему некоторые летописцы полагают, что он назывался «государем Дешта» [22, с. 553].

Русские летописи обычно передают титул верховного эмира как «великий князь» [8, с. 173; 10, с. 14, 212; 12, с. 425; 14, с. 140; 17, с. 468], что явно служит буквальным переводом словосочетания *улуг бек (улу бий)*. В таком случае Едигей находился на равной иерархической позиции с московскими и литовскими государями того времени. «Великий князь» ордынский, по средневековым понятиям, должен был пребывать в отношениях «братства», т.е. статусного равноправия, с великими князьями московским и литовским. Действительно, потомки Едигея и в конце XV, и в середине XVI в. напоминали россий-

ским адресатам о том, что «прадед наш Едигей князь» с правителями Москвы пребывал «в дружбе и братстве» [15, с. 28; 16, с. 306].

На самом же деле отношения эти были, очевидно, более сложными. Авторитет и могущество Едигея за годы его беклербекства достигли такой степени, что он стал считаться патриархом ордынской кочевой знати. Относиться к христианским данникам как к ровне уже казалось ему недостойным и неприличным. В 1537 г. ногайские мирзы вспоминали в послании Ивану IV: «Отец (т.е. предок – *В.Т.*) наш Идиги князь с твоим отцем, с великим князем Иваном – один был как отец наш, а другой был как сын» [16, с. 203]. Конечно, в данную констатацию вкралась явная путаница (Иван III вззошел на престол через сорок два года после гибели Едигея), но норма отношений воссоздана верно. В начале XV в. Едигей Василия I «любяше... и в сына его имаше себе»; «Едигей же иногда зовый отцем великому князю Василью Дмитриевичу» [25, с. 211, 212]. Видимо, такой же подход предлагался беклербеком и литовскому Витовту на переговорах перед битвой на Ворскле 1399 г., когда ордынский вельможа уговаривал господаря признать себя сыном Едигея и выплачивать ежегодную дань [8, с. 173]. Причем Едигей обосновывал свое предложение разницей в возрасте («яз есмь стар перед тобою, а ты млад передо мною»). Может быть, преклонные годы улуг бека сказывались также и на характере его контактов с соседними государями. Во всяком случае в русских источниках попадает его эпитет «Едегей Старый» [10, с. 14, 212]. Можно предположить, что как раз этим объясняется его обращение к великому князю московскому без всякого титула, «по-семейному» («от Едегея поклон ко Василью» [23, с. 16]), что было характерно только для ханских посланий, как верно указал А.П. Григорьев [2, с. 66].

Совсем другое отношение у Едигея было к Тимуру и его потомкам, Абу Бекру б. Мираншаху и Шахруху. Он рекомендовался перед последним как его «раб и слуга», а позднее выдал дочь за Шахрухова сына Мухаммед-Джуки [19, с. 157; 20, с. 187].

Типологическое соответствие золотоордынского беклербека архаичному главному дружиннику позволяет видеть в этом институте элемент древнетюркского наследия. Следовательно, Едигей (как и его знаменитый предшественник на этом посту Мамай) вовсе не являлся узурпатором верховной власти, как это зачастую трактуется в историографии. Логика исторического развития Золотой Орды привела к чрезмерному увеличению компетенции главного бека, но он отнюдь не заменил собой хана.

По мере ослабления Джучиева улуса в XV в., угасания ордынской административной структуры и нарастания патриархальных черт общественной жизни, идущих из кочевой старины, племенные беки прочно заняли место в управленческой системе. Они стали иг-

рать первостепенную роль в ханствах и ордах, которые сформировались при распаде Улуса Джучи.

Особенно заметны беклербеки в образованиях со слабой или отсутствующей ханской властью. Мангытский юрт (Ногайская Орда) управлялся улубием – полным аналогом беклербека, сначала в качестве главы правого крыла в Узбекском и Казахском ханствах, затем полностью самостоятельного.

Правители Сибирского юрта Тайбугиды с конца XV в. до 1560-х гг. обладали бекским званием и, по некоторым косвенным сведениям, управляли от имени безвластных ханов. Собственно, они были настоящими беклербеками, хотя в Восточном Дешт-и Кипчаке (в том числе у ногаев и сибирцев) вместо этого титула применялось многозначное понятие *бий* (т.е. бек). Существовало ли там что-либо подобное позднее, при ханах Ахмед-Гирее и Кучуме, сложно судить из-за недостатка сведений. Сибирский сановник «Карача» русских источников (т.е. *карачи-бек*) в принципе мог соответствовать беклербеку [6, с. 152; 31, с. 246–250], однако данные об этом лице имеются только в период крушения сибирско-татарского государства. По общей схеме, карачи-беков должно было бы быть четверо – по числу главных племен. Но как ни пытаются отдельные современные историки обязательно отыскать такую четырехчастную структуру во всех постордынских юртах, в Сибири она точно не просматривается. Для конца XVI в. мы имеем сведения там только об одном «караче», имя и племенная принадлежность которого неизвестны.

В Крымском ханстве первоначально сформировалась правящая триада, включавшая хана, калгу и бека [24, с. 32–37]. Однако жесткое противостояние первых Гиреев с предводителями татарских родов, а также установившийся османский сюзеренитет привели к исчезновению формальной должности главного бека. Предводитель клана Ширин утратил ее, хотя ширины и продолжали считаться знатнейшим из крымских родов. Вмешательство их в государственные дела и даже попытки распоряжаться престолом в поздней Золотой Орде и на раннем этапе истории Крымского ханства побудили Гиреев ограничить влияние ширинов в юрте. Кроме того, перед глазами стоял поучительный и угрожающий пример мангытских беклербеков, которые в некоторых соседних ханствах обзавелись огромными властными полномочиями, а в Ногайской Орде превратились в полновластных правителей. Постепенный приток мангытов в Крым, формирование из них очередного сплоченного и все более усиливавшегося татарского клана Мансур-улы таил потенциальную опасность для монархии Гиреев.

Впрочем, ханская власть в Крыму имела надежную гарантию в лице османских падишахов. Возможно, турецкий пример сыграл свою роль и в угасании там роли главного бека. В соответствии с порядком, сложившимся в Османской империи к XVI в., степенью бейлербея обладал наместник одного из 21 эялетов. То есть из глав-

нокомандующего и военного заместителя правящего государя, как этого требовала тюркская традиция, он превратился в управленца высшего звена, во всем покорного султану.

Имеются сведения о существовании беклербеков-улубеков и в других постордынских юртах. Известны несколько лиц с титулом, передаваемым в русских текстах как «большой карача Казанский», а также астраханский улубек в начале XVI в. Баба-Али из эля китай [5, с. 66, 67; 33, с. 189].

Если обратиться к периферии постордынского мира, то Тимур по своему статусу в Улусе Чагатая в целом соответствовал должности беклербека, но никогда так не титуловался, оставаясь просто «эмиром». Однако в своей армии он назначал беклербеков (*амир алумара*) для командования, в частности левым крылом [38, р. 173] – в соответствии с огузской традицией. Сын Тамерлана Шахрух, «царствующий» в Герате, сделал своего сына Мухаммеда Тарагая своим соправителем в Самарканде с титулом *улубек*, которое осталось в истории в качестве его имени.

Затронутые здесь проблемы находятся в русле темы изучения социальной трансформации золотоордынского общества, прежде всего его элитных страт – не династических, не относящихся к дому Джучи. Это направление историографии активно осваивается в последнее время (исследования И.Л. Измайлова, Д.М. Исхакова, И.М. Миргалеева, И.А. Мустакимова, В.П. Костюкова). Среди постордынских государств тема внутренней организации элит более-менее подробно исследована в отношении Крымского ханства. Казань, Астрахань и заволжские юрты из-за недостатка источников меньше привлекают внимание историков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гордлевский В.А.* Избранные сочинения. Т. I. Исторические работы. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 552 с.
2. *Григорьев А.П.* «Ярлык Едигея»: анализ текста и реконструкция содержания. Источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 11. Л., 1988. С. 55–93.
3. Девлет-и алийе иле Русйа девлети, Кырым хаккында баз малумат мухимме ве тахрират расмийени хави маджмуа. Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. Изд. В.Д. Смирнова. СПб., 1881. 345 с.
4. *Джувайни Ата Малик ибн Мохаммад.* *Тарих-е джехангошай.* Изд. М. Казвини. Т. 1. Тегран, 1378. 394 с.
5. *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2006. 303 с.
6. *Исхаков Д.М.* Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань, 2006. 196 с.

7. *Наманзи Муин ад-Дин. Мунтахаб ат-таварих-и Муини (Extraits du Muntakhab al-tavarikh-i Mu'ini (Anonyme d'Iscandar). Publiés par J. Aubin.* Тегран, 1336/1957. 505 с.

8. Полное собрание русской летописей. Т. 11. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1897. 254 с.

9. Полное собрание русской летописей. Т. 18. СПб.: тип. М.А. Александрова, 1913. 320 с.

10. Полное собрание русской летописей. Т. 19. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1903. 460 с.

11. Полное собрание русской летописей. Т. 21. 2-я половина. СПб.: тип. М.А. Александрова, 1913. 350 с.

12. Полное собрание русской летописей. Т. 22. 1-я половина. СПб.: тип. М.А. Александрова, 1911. С. 425.

13. Полное собрание русской летописей. Т. 32. М.: Наука, 1975. 234 с.

14. Полное собрание русской летописей. Т. 39. М.: Наука, 1994. 208 с.

15. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1508 гг. Подгот. текста, вступ. ст. М.П. Лукичева и Н.М. Рогожина. М.: Институт российской истории, 1984. 99 с.

16. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Подгот. текста Н.М. Рогожина. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1995. 356 с.

17. *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 514 с.

18. *Рашид ад-Дин. Сборник летописей.* Т. 2. Пер. Ю.П. Верховского. М.-Л., 1960. 248 с.

19. *Самаркандий Абдураззок.* Матлаи саъдайн ва мажмаи бахрайн. Пер. на узбекск., предисл., примеч., глоссарий А.Урунбаева. Тошкент: Фан, 1969. 464 с.

20. *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1960. 276 с.

21. Сборник летописей (Библиотека восточных историков, издаваемая И.Н.Березиным. Т. 2. Ч. 1). Казань, 1854. 178 с.

22. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. Пер. с араб. В.Г. Тизенгаузена. СПб., 1884. 588 с.

23. Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2. М.: тип. Селивановского, 1819. 640 с.

24. *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы. Ученые записки МГУ. Вып. 61. История. Т. 2. 1940. С. 3–71.

25. *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 5. М.-Л.: Наука, 1965. 342 с.

26. *Тер-Мкртчян Л.Х.* Армянские источники о Средней Азии VIII–XVIII вв. М.: Наука, 1985. 190 с.

27. *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М.: Восточная литература, 1993. 163 с.

28. *Трепавлов В.В.* Соправительство в Монгольской империи XIII в. *Archivum Eurasiae medii aevi*, 1991. Т. VII. С. 249–278.

29. *Трепавлов В.В.* Дружина в бурятских улигерах (эпическая версия формирования военной знати). *Средневековые культуры Центральной*

Азии: письменные источники. Улан-Удэ: Бурятский институт общественных наук, 1995. С. 76–84.

30. *Трепавлов В.В.* Крылья Бумбы (кочевые потестарные структуры в эпической стране калмыков). *История народов России в исследованиях и документах.* Вып. 4. 2010. С. 55–80.

31. *Тычинских З.А.* О беклярибеке Сибирского ханства (к вопросу о трансформации системы традиционного управления в XVII–XVIII вв.). *Форум «Идель-Алтай».* Казань, 2009. С. 246–250.

32. *Хатиби С.* Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII–XIV вв. Ашхабад, Ылым, 1985. 134 с.

33. *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М.: Инсан, 1991. 320 с.

34. *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Пер. со старонем. Ф.К.Бруна. Баку: Элм, 1984. 86 с.

35. *Шихаб ад-Дин Ахмад ибн Мухаммад ибн Арабшах.* *Аджаиб ал-макдур фи ахбар Тимур.* Каир, 1305/1887–1888. 252 с.

36. *Dlugosz J.* Joannis Dlugosii seu longini canonici cracoviensis Historiae Poloniae. Cura et impensis A.Przedziecki. Vol. 12. T. 3. Libri 9, 10. Cracoviae, 1876. 595 s.

37. *Kurat A.N.* Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. İstanbul, Burhanettin Matbaası, 1940. 214 s.

38. *Manz B.F.* The Rise and Rule of Tamerlane. Cambridge; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney, Cambridge univ. press, 1989. 240 p.

39. *Das Mongolische Weltreich.* Al 'Umari's Darstellung der mongolische Reich in seinem Werk Masālik al-absār fī mamālik al-amṣār. Mit Paraphrase und Kommentar hrsg. K.Lech. Wiesbaden, Harrassowitz, 1958.

40. *Šams al-husn.* Eine Chronik vom Tode Timurs bis zum Jahre 1409 von Tağ as-Salmani. Faxim., übers., komm. H.R.Roemer. Wiesbaden, Harrassowitz, 1956. 151 s.

41. *Spuler B.* Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220–1350. Berlin, Akademie Verlag, 1955. 596 s.

Сведения об авторе: Вадим Винцерович Трепавлов – главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, доктор исторических наук (1992, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация); trepavlov@yandex.ru

**BEGLERBEGI IN THE STRUCTURE OF THE MONGOL
AND TURKIC STATE SYSTEM**

V.V. Trepavlov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

This article is first to discuss the position of beglerbegi as one of the highest elite ranks in the system of traditional Turkic-Mongolian statehood. The author proposes some assumptions about its genesis analyzing information from medieval written and folklore sources. The study of this institution can contribute to the understanding of the peculiarities and regularities of social development of Turkic peoples throughout the long historical period. The beglerbegi institution (i.e. of the supremacy among the military elite) was formed among the Turkic Oghuzes not earlier than in the 11th century, but had a lengthy background in ancient societies of the proto-State stage. It became one of the matrix forms for the functioning of the Turkic nomadic polities and was revived in the Ulus of Jochi as a result of the social strengthening of nomadic aristocracy. It was introduced, firstly, due to the favorable economic and demographic conditions of the 13th century; and secondly, with the crisis and repressions in the ruling house of Batu during the reign of khan Tokhta and early reign of Uzbek khan, when Jochids, fighting for power, lost a support of their relatives and members of the dynasty and found it among the nomadic begis. The revival of Turkic institution of beglerbegi was stimulated both by Turkization of the Golden Horde court and bureaucracy and by penetration of the Iranian and Oghuz-Seljuk elements into a state system. The latter phenomenon was promoted both by a temporary reconciliation between traditionally hostile uluses of Jochi and Hulagu as well as by adoption of Islam as State religion in the Golden Horde. A typological correspondence between the Golden Horde beglerbegi and archaic leader of druzhina allows us to see in this institution the element of ancient Turkic legacy. The logic of historical development of the Golden Horde led to an excessive increase in the competence of chief begi, although he did not replaced the khan. By the weakening of Jochid statehood, the beglerbegis' impact on the life of post-Horde States significantly increased since the late 14th century. In some of them, this position was monopolized by begis from the Turkic tribe of Manghyt.

Keywords: beglerbegi, amir al-umara, ulugh beg, aristocracy, wings, Turkization, Manghyts, Edigu.

REFERENCES

1. Gordlevsky V.A. *Izbrannye sochineniya*. Vol. I. *Istoricheskie raboty* [Selected Works. Vol. I. Historical Works.]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 1960. 552 p.
2. Grigor'ev A.P. «Yarlyk Edigeya»: analiz teksta i rekonstruktsiya sodержaniya [«Edigu's Yarliq»: Analysis of the Text and Reconstruction of the Content]. *Istochnikovedenie i istoriografiya istorii stran Azii i Afriki* [Source Study and Historiography of the Countries of Asia and Africa], is. 11. Leningrad, 1988, pp. 55–93.

3. *Devlet-i aliye ile Rusya devleti. Kyrym hakkynda baz malumat myuhimme ve takhrrat rasmiyeni havi majmua. Sbornik nekotorykh vazhnykh izvestiy i ofitsial'nykh dokumentov kasatel'no Turtsii, Kryma i Rossii* [The Collection of Some Important Reports and Official Documents Concerning Turkey, Russia and the Crimea]. Publ. by V.D. Smirnov. St. Petersburg, 1881. 345 p.
4. Juvayni Ata Malik ibn Mohammad. *Tarikh-i Jahān-gushā*. Publ. by M.Kazvini. Vol. 1. Tehran, 1378. 394 p.
5. Zaytsev I.V. *Astrakhanskoye khanstvo* [The Astrakhan Khanate]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2006. 303 p.
6. Iskhakov D.M. *Vvedenie v istoriyu Sibirskogo khanstva* [Introduction to the History of the Siberian Khanate. Essays]. Kazan, 2006. 196 p.
7. Natanzi Muin ad-Din. *Muntakhab at-tavarikh-i Mu'ini (Extraits du Muntakhab al-tavarikh-i Mu'ini (Anonyme d'Iscandar)*. Publ. par J.Aubin. Tehran, 1336/1957. 505 p.
8. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 11 [Complete Collection of the Russian Chronicles]. St. Petersburg, I.N.Skorokhodov Publ., 1897. 254 p.
9. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 18 [Complete Collection of the Russian Chronicles]. St. Petersburg, M.A.Aleksandrov Publ., 1913. 320 p.
10. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 19 [Complete Collection of the Russian Chronicles]. St. Petersburg, I.N.Skorokhodov Publ., 1903. 460 p.
11. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 21. 1 polovina* [Complete Collection of the Russian Chronicles]. St. Petersburg, M.A.Aleksandrov Publ., 1913. 350 p.
12. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 22. 2 polovina* [Complete Collection of the Russian Chronicles]. St. Petersburg, M.A.Aleksandrov Publ., 1911. 302 p.
13. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 32 [Complete Collection of the Russian chronicles]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 234 p.
14. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 39 [Complete Collection of the Russian Chronicles]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 208 p.
15. *Posol'skaya kniga po svyazyam Rossii s Nogayskoi Ordoy. 1489–1508 gg.* [The Ambassadorial Book on Communications between Russia and the Nogai Horde. 1489–1508]. Publ. by M.P.Lukichev and N.M.Rogozhin. Moscow, Institute of Russian History, 1984. 99 p.
16. *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoi Ordoy. 1489–1549 gg.* [The Ambassadorial Books on Communications between Russia and the Nogai Horde. 1489–1549]. Publ. by N.M.Rogozhin. Makhachkala, Dagestan Publ., 1995. 356 p.
17. Priselkov M.D. *Troitskaya letopis'* [Troitskaya Chronicle. Reconstruction of the Text]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of USSR Publ., 1950. 514 p.
18. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey*. Vol. 2 [Collection of Chronicles]. Transl. by Yu.P.Verkhovsky. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of USSR Publ., 1960. 248 p.
19. Samarkandy Abdurrazzok. *Matlai sa'dayn wa majmai bakhrain*. Transl. by A.Urunbayev. Toshkent, Fan, 1969. 464 p.
20. Safargaliyev M.G. *Raspad Zolotoy Ordyy* [Disintegration of the Golden Horde]. Saransk, Mordovskoe Publ., 1960. 276 p.

21. *Sbornik letopisey* [The Collection of Chronicles]. Publ. by I.N.Berezin. Kazan, 1854. 178 p.
22. *Sbornik materialov odnosyashchikhsya k istorii Zolonoy Ordyy*. Vol. I [The Collection of the Materials Relating to History of the Golden Horde. Vol. I]. Transl. by V.G.Tizengauzen. St. Petersburg, 1884. 588 p.
23. *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov* [Collection of the State Diplomas and Treaties]. Moscow, Selivanovsky Publ., 1819. 640 p.
24. Syroechkovsky V. E. Mukhammed-Geray i yego vassaly [Muhammed-Geray and His Vassals]. *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of the Moscow State University*, 1940, is. 61, vol. 2, pp. 3–71.
25. Tatischev V.N. *Istoriya Rossiyskaya. Vol. 5* [Russian History]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965. 342 p.
26. Ter-Mkrtichyan L.Kh. *Armyanskije istochniki o Sredney Azii VIII–XVIII vv.* [Armenian Sources on the Central Asia of the 8th–18th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 190 p.
27. Trepavlov V.V. *Gosudarstvennyy stroy Mongol'skoy imperii XIII v. Problema istoricheskoy preemstvennosti* [State System of the Mongol Empire of the 13th century. The Problem of Historical Continuity]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 1993. 163 p.
28. Trepavlov V.V. *Sopravitel'stvo v Mongol'skoy imperii XIII v.* [Corulership in the Mongol Empire of the 13th century]. *Archivum Eurasiae medii aevi*, 1991, vol. VII, pp. 249–278.
29. Trepavlov V.V. *Druzhina v buryatskikh uligerakh (epicheskaya versiya formirovaniya voennoy znati)* [Military Squad in the Buryat Uligers (Epic Version of the Formation of Military Nobility)]. *Srednevekovye kul'tury Tsentral'noy Azii: pis'mennye istochniki*. [Medieval Cultures of Central Asia: Written Sources]. Ulan-Ude, Buryatsky Institute Obshchestvennykh Nauk Publ., 1995, pp. 76–84.
30. Trepavlov V.V. *Kryl'a Bumby (kochevyje potestarnye struktury v epicheskoy strane kalmykov)* [The Wings of Bumba (Nomadic Potestary Structures in the Epic Country of Kalmyks)]. *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh* [History of the Peoples of Russia in the Research and Documents], 2010, is. 4, pp. 55–80.
31. Tychinskikh Z.A. *About Beglerbegi of the Siberian Khanate (on the transformation of the system of traditional governance in the 17th–18th centuries)*. *Forum «Idel-Altai»*. Kazan, 2009, pp. 246–250.
32. Khatibi S. *Persidskie dokumental'nye istochniki po sotsial'noy i ekonomicheskoy istorii Khorasana XIII–XIV vv.* [Persian Documentary Sources on the Social and Economic History of Khorasan of the 13th–14th centuries] Ashkhabad, Ylym, 1985. 134 p.
33. Khudyakov M.G. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on History of the Kazan Khanate]. Moscow, Insan Publ., 1991. 320 p.
34. Shiltberger I. *Puteshestvie po Evrope, Azii i Afrike s 1394 goda po 1427 god* [The Travel across Europe, Asia, and Africa from 1394 to 1427]. Transl. by F.K.Brun. Baku, Elm, 1984. 86 p.
35. Shikhab ad-Din Ahmad ibn Muhommad ibn Arabshakh. *Ajaib al-makdur fi akhbar Timur*. Cairo, 1305/1887–1888. 252 p.

36. Dlugosz J. *Joannis Dlugosii seu longini canonici cracoviensis Historiae Poloniae*. Cura et impensis A.Przedziecki. Vol. 12. T. 3. Libri 9, 10. Cracoviae, 1876. 595 s.

37. Kurat A.N. *Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler*. İstanbul, Burhanettin Matbaası, 1940. 214 s.

38. Manz B.F. *The Rise and Rule of Tamerlane*. Cambridge; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney, Cambridge univ. press, 1989. 240 p.

39. *Das Mongolische Weltreich. Al 'Umari's Darstellung der mongolische Reich in seinem Werk Masālik al-abşār fī mamālik al-amşār*. Mit Paraphrase und Kommentar hrsg. K.Lech. Wiesbaden, Harrassowitz, 1958.

40. *Šams al-husn. Eine Chronik vom Tode Timurs bis zum Jahre 1409 von Tağ as-Salmani*. Faxim., übers., komm. H.R.Roemer. Wiesbaden, Harrassowitz, 1956. 151 s.

41. Spuler B. *Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220–1350*. Berlin, Akademie Verlag, 1955. 596 s.

About the author: Vadim Vintserovich Trepavlov – Chief Researcher of the Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations, Dr. Sci. (History) (119192, Dmitry Ulyanov st., 19, Moscow, Russian Federation); trepavlov@yandex.ru